

З історії архівної справи

На зламі епох:

"Зберігайте архіви"

- Микола Біляшівський. "Бережіть рідну старовину"
- Владімір Бонч-Бруевіч. "Зберігайте архіви"
- Михаїл Покровський. "Політичне значення архівів"

*Микола Біляшівський**

Бережіть рідну старовину

(Нова Рада. - 1917. - 9 квітня)

Скинуто застави, що стояли на шляхах розвитку України, на шляхах відродження її сили, її духа.

Відкриваються широкі простори, необмежні ґрунти для праці над нашою долею.

У сей великий час слід згадати про те, що зосталося нам спадщиною від минулого, від того минулого, коли душа України не була ще так винищена, коли була можливість хоч на короткі часи вільно віддихнути, показати те, на що ми здатні.

Бережіть же те, що ще не розгублене по довгих дорогах мук і знущання, через які пройшов наш народ, бережіть же, бо зосталось його не так вже багато, що року стає усе менш.

Перш усього - те, що ще заховалося у побуті народнім, що виробив колективний його смак, що стало окрасою його життя. Бережіть, бо тут цілі неоцінімі скарби великої вартості не тільки для нас, але й за для цілої людської культури.

Нещастя нашого історичного життя може тільки тут сприяло тому, що побут народній був довго непорушений, зберіг те, що так було неодмінною його частиною. Але часи міняються, міняються й обставини життя - скоро вийде з ужитку як не усе, то більша частина того, що так було характерне для нашого народу. Не забувайте, що з окремих рис складається ціле обличчя народа; загубляться вони - порушиться й цільність.

Треба поспішатись. Найбільш тут може стати у пригоді той, хто близько стоїть до народу, хто знає його побут - до вас мій заклик, до вас прохання: поможіть в цій справі, не минайте нічого, що хочь чим небудь виявляє смак, звичай, умілість нашого народу. Не дайте загинути, збережіть.

Не меншу вартість мають інші пам'ятки мистецтва з широкого поля будівництва, мальарства, скульптури і т.д. Їх зосталося ще чимало, свідчать вони про той високий ступінь культури, якого досягла Україна в минулі часи, свідчать про ті можливості, до яких могла б дійти, як

би не лиха доля, що йшла слідком за нею... Бережіть же їх, бо це ж те найкраще, що ми маєм, що дає нам право ставити себе поруч з іншими культурними народами, внести їй свою вкладку до загального скарбу...

А їх теж що-року стає менш і менш. Частина гине, підлягаючи часу, частина псується від недбалства й неуміlosti, більшість розходитья по руках, часто чужих, назавше вивозиться з України, бо попит на мистецькі річи останніми часами великий... Треба пильнувати, треба не випускати, міцно тримати у своїх руках...

Найбільш заховалося пам'яточок церковних. Тут, у сфері релігії, з великою силою виявився дух народа, його змагання, його надії... До вас, священики, звертаюся - бережіть усе, що ще заховалося, що ще не випродане усіким перекупцям, що цілими табунами вештаються по Україні. Я знаю - не фаховцям досить трудно розібратись, що цінне, що ні. Але незабаром, я певен, настане час, коли ширше піде наука - рідна наука, коли побільшиться свідомість. А поки що бережіть усе - будь то шмаття, що валяється в пилу в закамарах на дзвіниці, старі ікони в ризниці, старі папері й книжки - усе стане у пригоді, усе знайде своє місце...

Не забувайте ж про минуле, не забувайте праці наших прадідів, пам'ятайте, що вони заклали підвальнини, і що тільки на тих підвальних і може твердо стати, розцвісти рясним цвітом наше мистецтво, наша національна краса.

* У тексті Біляшевський

Владімір Бонч-Брусвіч

"Зберігайте архіви" *
(1917 р., листопад)

Сохраняйте архивы

Низвергнутое революцией царское правительство всегда втайне держало свои дела, почему исследователи русской истории, исследователи жизни русского народа, лишь с величайшим трудом могли добиваться проникновения в архивы различных министерств и учреждений, где скоплялось множество ценнейших документов о жизни, быте, нравах, протестах и т. п. явлениях общественной, политической и государственной жизни народов, населявших огромную Российскую империю.

Царское правительство, подавлявшее всякую свободную инициативу, разрушавшее всюду свободное творчество, порывы кисканиям, пресекавшее во всех областях мысли все сколько-нибудь возвышавшееся над обывательщиной и мещанством, через свои многочисленные полицейские, миссионерские, охранные органы, стремилось везде и всюду отобрать, изъять произведения пера и кисти, если эти произведения хоть чем-нибудь были ему неприятны и вредны. Вот почему почти нет на Руси ни одного писателя, хоть сколько-нибудь поднявшегося над уровнем приниженнной жизни романовских времен, у которого не были бы обыски, у которого как на этих обысках, так и в цензуре, не пропали бы его

собственные рукописи, а также фотографические карточки, записи и другие документы и его самого и его друзей. Все эти нередко ценнейшие документы до сего времени сохраняются в архивах светских и духовных цензурных комитетов, в бывших архивах полиции, охранных и жандармских отделений, министерства внутренних дел и т. п. местах...

Все свои преступления царское правительство также тщательно старалось скрыть, а поэтому оно почти никого не пускало в тюремные архивы, архивы судов, департамента полиции, жандармерии и охранки, в архивы министерства финансов, так как там исследователи истории тотчас же обнаружили бы размеры грабежа, разбоя и мелкого жульничества как всего царского правительства и его представителей, так и тех, на кого оно опиралось и чью волю исполняло: в этих архивах скрывались дела помещиков, дворян, капиталистов, фабрикантов, военщины.

Но народ, - рабочие, крестьяне и лучшая часть интеллигенции, - не хотел терпеть утеснений и издевательств царского правительства и давным-давно попел борьбу против старого режима, а на эту борьбу царское правительство ответило преследованиями: тюрьмы, каторга, ссылка, глухие места Сибири и Севера России заполнялись ссыльными и заключенными; арестовывали тысячи людей, расстреливали стачечников, восставших, демонстрирующих, карали революционеров и проявляла самые изощренные способы борьбы с революционным и общественным движением. Все материалы, забранные на обысках у революционеров, рабочих, крестьян, у общественных деятелей и в различных учреждениях, все это свозилось как в столицах, так и в провинции, по всей России, в полицейские, охранные и иные учреждения, где все это осталось до сего времени. И куда ни посмотришь, везде и всюду в архивах лежат драгоценнейшие материалы для истории как русского народа, так и других народов, которые населяли и населяют Россию.

Желаете ли вы изучить положение рабочего класса в России - вам необходимо обратиться к архивам министерства финансов, купеческих управ, к архивам дворянского сословия, где имеется множество документов по истории фабрик и мануфактур, находившихся при помещичьих имениях. Желаете ли вы ознакомиться с землепользованием, с движением земельной собственности, с крестьянским и дворянским землевладением в дореволюционную эпоху, необходимо изучить архивы министерства юстиции, межевой канцелярии, судебные архивы, архивы крестьянского, дворянского и других поземельных банков. И так решительно в каждом вопросе - все вопросы истории, этнографии, религии, общественных и революционных движений, вопросы о положении рабочего класса и крестьян - все связано с архивами, с документами, хранящимися в них. Без изучения архивных документов во всех этих и во множестве других крайне важных вопросах, - нельзя сделать ни шагу.

До какой степени необходимы документы, - даже, казалось бы, на первый взгляд маловажные, - для изучения различных сторон жизни каждого народа, приведу здесь один только пример: известный английский ученый экономист Роджерс задался целью изучить вопрос о положении и движении заработной платы в Англии по отношению к ценам на продукты первой необходимости, начиная с средних веков. И эту интересную и большую работу, на которую он потратил несколько лет, он мог сделать только потому, что ему удалось в достаточном количестве собрать у английских хозяек всех сословий записные книжки, в которых отмечались забираемые ими в лавках продукты и цены на них. Эти, казалось бы, ничтожные записи дали возможность пытливому ученому осветить крайне важный вопрос из жизни английского народа.

В настоящее время, когда орлиный взмах великой русской революции открывает русскому народу великие возможности свободного творчества, мы, имеющие счастье жить в бурные

времена священной борьбы за нашу и мировую свободу, мы должны не забывать устремления к творчеству будущих поколений. Будем надеяться, что не только будущему, но и нашему поколению еще удастся поработать над изучением истории России в мирное время, когда враги революции мощным народным натиском будут совершенно ниспровергнуты. Для нас самих, и более всего для будущих поколений, будем тщательно сохранять архивы. Все исполкомы, совдепы и другие местные власти должны зорко за этим смотреть, а то, право же, стыдно становится, когда знаешь, что распоряжение Высшего Совета Народного Хозяйства о сборе негодной и использованной бумаги, т. е. различных обрезков, мятой, рваной бумаги, старых газет и пр. т. п., - на местах поняли так, что стали складывать на возы архивы различных учреждений и увозить их на писчебумажные фабрики для переработки.

Необходимо также тщательно охранять архивы частных лиц, особенно архивы, которые находятся в имениях бывших помещиков, потому что многие из них занимались сбором материалов по различным предметам, а также тщательно сохраняли у себя переписку с выдающимися людьми своей эпохи: с писателями, общественными и политическими деятелями, учеными, художниками и т. п. людьми. У многих сохраняются различные записки и документы, касающиеся хозяйственной, общественной политической жизни страны, и, конечно, само собой понятно, что все эти архивные документы крайне необходимы для историков, они должны тщательно* быть оберегаемы, сохранены и доставлены в центральные архивы.

Правительство Советской России имеет особое учреждение: Центральное Архивное управление, находящееся в Москве, которое в свою очередь имеет по всей России своих уполномоченных. Вот именно к ним-то все местные власти и должны обращаться по всем архивным делам, зная наперед, что здесь она найдут и дружеский совет, и поддержку, и указания, и прямую и деятельную помощь в работе. Конечно, всякому понятно, что почти в каждом архиве всегда найдется нечто такое, что можно и должно без ущерба для архивного дела уничтожить, и люди, занимающиеся архивным делом, прекрасно знают, что именно в каждом архиве подлежит уничтожению, но это никогда не надо делать без указания специалистов или прямых распоряжений Центрального Архивного управления, так как именно здесь в настоящее время организуются разборочные архивные комиссии, которые с знанием дела принимаются за эту сложную работу. Таким образом эти ответственные работы должны производиться планомерно, организованно, осторожно и осмотрительно. Всегда необходимо помнить, что уничтоженное не восстановишь, а будущие поколения будут крайне благодарны нам, современникам величайшей революции, если мы приложим все силы, чтобы сохранить архивы и документы не только нашей эпохи, но и предыдущих поколений, наследниками которых, волею судеб, мы явились.

В вихре революции, нередко уничтожающем огромные ценности, постараемся всеми мерами сохранить достояние науки, литературы и искусства, дабы никто, нигде и никогда не мог бы упрекнуть нас в вандальизме, в излишнем усердии к всесокрушающему разрушению; наоборот, пусть история всесветно отметит, что наша Революция, прошедшая под знаком классового самосознания рабочих и крестьян, овладевшая впервые в мире всем аппаратом власти, поставив у ее кормила пролетария и трудового крестьянина, была действительно достойна наименования Великой Пролетарской Революции, бросающей свет миру на многие столетия, зовущей всех к всенародному, интернациональному объединению всех трудящихся в одну, полную творчества и воодушевления, семью.

Пусть знают все, что если мы умеем до основания разрушать старые общественные, политические и государственные учреждения России, эти организованные и укрепленные орудия власти, угнетения и порабощения трудящихся, то во всем остальном; - в областях

науки, исторических исследований, искусства, архивного дела, - мы стоим нерушимой стеной, ограждающей все ценности культуры нашей страны, все возможности развития и расцвета, творчества нашей родины в будущем, и эти интересы не только не чужды, но первостепенны, близки, важны и являются для всех нас столь же необходимыми, как воздух, хлеб и вода.

Будем же разъяснять везде и всюду широким массам о ценности и важности сохранения архивов для нужд современных ученых и для работ будущих поколений, когда пытливый и вечно стремящийся к знанию и свету пролетариат выделит из своей среды плеяды новых, деятельных, энергичных, бодрых духом и революционным устремлением ученых, которые дружной семьей, организованно, возьмутся за изучение нашей многовековой истории и, может быть, впервые в мире поведают всем историю огромного и великого народа, рассмотрев ее с единственно правильной точки зрения, с точки зрения классовых соотношений, с точки зрения борьбы классов, приложив все методы исследования революционного марксизма. Для них, для этих будущих ученых, которых в изобилии даст нам народ и революционный пролетариат, - тщательно сохраним мы все возможности, - и архивы прежде всего, - дабы никто не мог попрекнуть нас в непоправимой ошибке, равной жестокой исторической беде.

* Публікується мовою оригіналу

Михаїл Покровський

Политическое значение архивов (1925)

Архивы - как политически очень важное учреждение - находятся во всякой стране в руках командующего класса, который держит их оченьочно, и в результате, конечно, ни один марксист, ни один коммунист к управлению, к заведыванию государственными архивами, нигде, кроме как в СССР, ни на выстрел не допускается.

Я хотел бы сказать несколько слов о том, как я представляю себе положение марксистов-архивоведов и их практическую деятельность.

Марксизм характеризуется соединением теории с практикой. В то время, как в буржуазном обществе теоретик и практик - это две особые специальности, которые не всегда сходятся, либо часто теоретик пишет одно, а практик делает другое, - в противоположность этому в марксизме теория и практика сливаются. Нужно сказать, что в этом случае марксизм не является выдумкой какой-нибудь тесной группы людей или специфическим мировоззрением одного класса, либо и само буржуазное общество, по мере развития капитализма, неизбежно, против своей воли, приходит к этому сочетанию теории и практики. В новейших формах капиталистического хозяйства наука и промышленность, теория и практика чрезвычайно тесно сливаются, но дуалистичная по своей природе буржуазия не может довести этого процесса до конца и своими образчиками слияния теории и практики лишний раз подчеркивает, что пролетариат и его мировоззрение являются естественным завершением того развития, того этапа, через который всему человечеству

суждено пройти, но который был угадан раньше рабочим классом и его идеологами. Эта неизбежность придает нам уверенности не только в обстановке девятого года социалистической республики, когда мы стоим оченьочно, но придавала нам такую же твердость и в обстановке, гораздо более колеблющейся и неуверенной - 17-го, 18-го, 19-го и других тяжелых годов.

В чем может выразиться слияние теории и практики в такой области, как история? В том, что тот, кто делает историю, тот ее и пишет и, наоборот, тот, кто пишет, тот ее и делает.

Что описывает буржуазный историк? Он описывает деятельность царей, генералов, министров, но он сам не был ни царем, ни генералом, ни министром, он сам - профессор истории, архивист. Или он описывал страдания народных масс, но он описывал их, смотря из окна своего кабинета, но не переживал этих страданий, он мог только им сочувствовать. Интеллигенция всегда сочувствовала страданиям трудящихся народных масс, но ничего другого от нее трудящиеся массы не могли получить. В совершенно ином положении находимся мы. Мы, как класс, делаем историю, пролетариат делает историю, и в то же время выделенные им идеологи, выделенные им историки пишут эту историю.

Конкретно это воплотилось в том, что нет ни одного выдающегося марксиста, который в том или ином смысле не был бы историком. От Маркса и Энгельса остался целый ряд исторических работ, и Энгельс в своей книге "Революция и контрреволюция в Германии" показал, что в нем скрывался первоклассный историк, у которого не хватало немногого, чтобы сделаться настоящим профессионалом. Более глубокое и тонкое понимание исторического процесса, чем то, какое встречается у Энгельса в этой и в других его работах, трудно найти во второй половине XIX века. То же самое было и у нас. От Плеханова остался целый ряд исторических работ. Правда, это не лучшее из того, что дал Плеханов, но его тенденция стать историком, понять исторический процесс, характерна для марксиста. Несомненно, величайшим историком был бы Ленин, если бы в нем действенность практическая - не в старом смысле этого слова, а в буквальном - не поглощала всего человека. И если мы можем говорить о Ленине, как историке, то не потому, что он писал исторические книжки, а потому, что его подход к фактам в самом процессе политической борьбы был глубоко историчен.

Это особенно ярко выявляется, например, в полемике Ленина с Плехановым по поводу первого наброска программы нашей партии. Ленин упрекал Плеханова в том, что Плеханов декламирует против какого-то капитализма вообще от имени какого-то пролетариата вообще. Он говорил: не так нужно ставить вопрос, нужно говорить о задачах российского пролетариата по отношению к российскому капитализму на данной ступени развития, т. е. брать вопросы в тех конкретных исторических рамках, в каких дает их действительность. Вот как нужно формулировать задачи партии в программе, - говорил Ленин. Это - характерный подход, и так же характерно, что никто лучше Ленина не понимал тесной связи отдельных периодов развития. Я не буду говорить о тех схемах развития нашей партии, которые им набрасывались и которые глубоко верны, я возьму другую область, - как он понимал связь культурного развития - знаменитую речь комсомольцам, где он подчеркивал, что коммунизм стоит на плечах всего положительного, что было добыто всей предшествующей человеческой культурой, и что, не усвоив того, что эта культура дала прочного и полезного, нельзя стать коммунистом. Таким образом, историческая связь - не в пределах тесного периода, а в пределах мировой истории - сознавалась Лениным вполне и поставлена так отчетливо, что эту речь можно до сих пор рекомендовать как образец марксистского понимания истории культуры. Таким образом, все великие марксисты или прямо занимались историей или, не занимаясь историей, были глубоко историчны в своем подходе к фактам, как это видно на примере Ленина.

Ленин был более крупным историком, чем Плеханов, в этом сомнения нет, но Плеханов много исторических книжек написал, а Ленин ни одной. Дело, т. о., не в писании книжек, а в подходе к действительности, и такая проблема, как отношение крестьянства к революции, была взята Лениным в исторической постановке, диалектически, а не метафизически,- как должен был брать марксист, а не как брал метафизик, не как брали, с одной стороны, народники, с другой стороны - меньшевики. Народники утверждали, что крестьяне революционны, прирожденные социалисты, а меньшевики говорят, что крестьяне реакционны и прирожденные буржуи. Ленин взял правильную постановку: когда крестьяне бывают революционны? Когда рабочий класс может использовать крестьян в своей рабочей революции? Как вы знаете, он блестяще разрешил эту задачу.

Таким образом,- я повторяю то, что говорил на юбилее Маркса по поводу его историзма,- нельзя быть марксистом, не будучи историком. Это можно иначе выразить: нельзя быть марксистом, не будучи диалектиком, а диалектика общественного процесса - это и есть история.

Тут мы встречаемся с предрассудком, очень распространенным в нашей среде. Люди соглашаются признавать диалектику стержнем всего своего миропонимания и отсюда понимают значение истории для изучения марксизма, но ограничивают это хронологически очень тесным пределом. Они говорят: будем заниматься новейшей историей - XIX века и начала XX,- но в этом случае может явиться мысль: зачем же беречь все это барахло, все эти документы XVI-XVII века? Вот тут и приходится не только напомнить о Ленине с его всемирно-исторической культурной связью, но и привести несколько фактов из нашей практики, которые показывают, что ограничиться изучением только ближайшего прошлого никак нельзя, потому что жизнь непосредственно требует от человека ответов на вопросы, вовсе не современные. Приведу пример из жизненной практики одного высшего учебного заведения, где, кстати, и преподаватели и слушатели принадлежат к нашей партии и представляют собой гомогенное целое. Они там занимаются историей новейшего времени, и вот слушатель спрашивает у своего преподавателя: когда кончилось крепостное право в Англии? А это было около XV-XVI века.- Когда в Англии впервые собрался парламент? А это было в XIII веке. Ему нужно все это знать: изучающий современную Англию человек не сведет концов с концами, не зная этого, у него там будет дыра, провал,- эту черную пропасть ему нужно заполнить. Иногда бывает, что преподаватель, усвоивший себе, что нужно изучать только современность, не находит иного ответа, как выйти из комнаты, шумно хлопнув дверью, что, конечно, не есть ответ. Так что, исходя из житейских соображений, чтобы иметь возможность давать ответы на вопросы изучающих современную историю, нужно заниматься историей прошлых веков. Затем нужно понять и то, что мы не можем, изучая прошлый период истории, ограничиться тем, что нам оставили буржуазные историки. Это будет странное одеяние: на человеке марксистская шляпа и марксистская накидка, а дальше - костюм буржуазный, а если продолжить еще дальше,- то этот костюм может оказаться рыцарским, средневековым костюмом. Естественно, что раз мы должны изучать исторический процесс, мы должны его изучать в целом, т. е. не только факты вчерашнего дня, но и факты третьего дня и т. д. и т. д. Дело только в пропорции. Само собой разумеется, что мы правильно поступили, когда перегнули палку исключительного интереса к далекому прошлому. Интерес к далекому прошлому объясняется тем, что историю писали не практики, а писали люди, которые хотели возможно дальше уйти от бурного потока современности. Им хотелось замкнуться в прошлом, уйти от современности, причем это далекое прошлоеказалось им чрезвычайно мирным и идиллическим. Проф. Кизеветтер только недавно, года три тому назад,- когда он уже был за границей, открыл, что наш XVII век, который всегда изображался,- и который он сам изображал - такими патриархальными красками, был "бунтарским веком".

"Бунтальным веком" оказывается XVII столетие, которое Кизеветтер раньше изображал в мирных красках. Этому его научила наша революция, а своим умом он до этого не доходил. Естественно, что эти люди погружались в прошлое. Мы так относиться к делу не можем. Мы и в прошлом должны быть теми практиками, каким является всякий марксист. Когда Энгельс писал о крестьянской войне, Каутский - об анабаптистах, Меринг - о прусских королях XVIII века, то они вели классовую борьбу XIX века и давали новое оружие, новый материал для современной пролетарской борьбы. И мы должны уметь пользоваться этим оружием для защиты нашего миросозерцания и пропаганды наших взглядов не только из истории XVI-XVII веков, но и из клинообразных надписей, египетских иероглифов и из всего исторического материала, ибо нельзя камня на камне оставить в старых буржуазных построениях.

Вот почему архивные документы, часто очень старые, не являются излишней роскошью. В них, конечно, есть некоторое, я бы сказал, перенакопление. Надо два слова сказать о том, что собственно из этих документов и по каким причинам мы можем в настоящее время устраниТЬ. Одна из задач Центраархива заключается в том, чтобы из того колоссального бумажного материала, в котором мы тонем и который не вмещают 23 здания в Москве, вычерпать то, что нам более или менее непосредственно нужно. Что это значит? Значит ли, что, вообще говоря, архивные документы, сосредоточенные в 23 зданиях, не имеют никакой цены, или большое количество из них не имеют ценЫ? Нет, это не значит. Тут наша беда заключается в том, что нет достаточного количества исследователей, чтобы овладеть этим материалом. Смотришь иногда на очень интересные документы и думаешь: когда же доберутся до этого, - через двадцать-тридцать лет? Но ведь тогда накопится еще громадная масса документов, а еще через двадцать-тридцать лет опять накопится, и так будет бесконечно. Вы знаете, какой был бы культурный способ обращения с этими культурными ценностями, которые не используются, к которым подойти нельзя, потому что нет людей? Это - тот способ, который предлагал один специалист: микроскопическая фотография на маленькой металлической пластинке такого размера, что на маленькой карточке, величиною меньше фотографической, помещается целый лист большой газеты. Читать это нельзя, но в случае надобности можно снять фотографию в натуральном размере и получить документ в настоящем виде. Этот изобретатель обещал в одной комнате, обставленной книжными шкафами, собрать, если понадобится, архивы всей России. Это был бы чрезвычайно культурный способ сохранения документов, а мы получили бы огромное количество бумаги, которая пошла бы на хозяйствственные надобности, и сохранили бы все, что написано на этой бумаге. Но это нам не по карману. Вероятно, лет через 50 будут считать величайшим варварством выбрасывание того, до чего рука не доходит сейчас, чем сейчас заниматься нельзя - но сейчас иначе мы поступить не можем.

Нам по отношению к архивам, попавшим в наши руки только после революции, приходится проделывать очень большую подготовительную работу, и эта подготовительная работа требует большой сравнительно и хорошей подготовки тех, кто этим занимается. Как всякий марксист должен быть историком, так и всякий архивист должен быть историком. Архивист, ничего не смыслящий в истории, может быть только сторожем архива, но работы архивной он производить не может. Поэтому в программы наших архивных курсов мы ввели целый ряд общепреподавательских дисциплин.

Но, конечно, для нас в настоящий момент самое важное значение имеют именно новейшие архивы, которые попали в наши руки в самое последнее время и которые технически являются хуже всего разобранными. Благодаря тому, что они плохо разобраны, мы до сих пор чрезвычайно плохо ими пользуемся. Надо сказать, что мы являемся единственными во всем мире хранителями секретов империалистической войны, поскольку они отражались в российском министерстве иностранных дел, а они там отражались довольно широко! Что

касается остальных государств, то они ревниво берегают эти секреты. Обратите внимание, как германское республиканское правительство скрупулезно дает всякие публикации по империалистической войне. Что там печаталось? Те самые письма Извольского к Сазонову, которые мы давно напечатали. Они теперь их печатают с большой рекламой и помпой, а свои секреты берегут очень тщательно. Про Америку, Англию, Францию - говорить нечего, и если к нам попали французские секреты, то лишь благодаря тем перипетиям, которые пережили французские и английские консульства в России. Вот какое у нас колоссальное преимущество перед всеми другими странами (я беру этот вопрос как образчик). Тут в СССР, в распоряжении пролетариата, т. е. одной из борющихся на революционной арене сторон, той стороны, которая ведет революцию, находятся все секреты другой стороны, такие важные, как секреты империалистической войны.

А как это использовано? Крайне плохо. Сравните, что опубликовано у нас по этой части, с тем, что опубликовано там. На основе материалов, выкраденных из русских архивов, за границей опубликовано гораздо больше. Некоторые публикации нашего "Красного архива", не обратившие на себя совершенно внимания в России, о которых здесь совершенно не говорили, или меньше, чем о каком-нибудь уличном происшествии, вызвали буквально мировую сенсацию и были поводом для предъявления дипломатических требований, чрезвычайно важных. После того, как мы опубликовали "Дневник Сазонова", касающийся первых дней войны, германское правительство поставило вопрос о снятии с Германии ответственности за войну. Это вопрос, вокруг которого вертится план Дауэса. На основании документов, нами опубликованных, Германия говорила: вот здесь черным по белому написано, что они начали войну, зачем же нам платить миллиарды? Таким образом за границей документы, которые у нас не обращали на себя внимания, получили колоссальное значение. Конечно, там их используют для себя, со своей точки зрения, с точки зрения плана Дауэса и с точки зрения других вещей, нам мало интересных, но никто нам не мешает использовать эти материалы с нашей классовой точки зрения. Мы должны это делать, и не в таких микроскопических размерах, как мы это делаем на страницах "Красного архива", а гораздо шире.

Комиссия по изучению империалистической войны была создана Совнаркомом еще в 1918 г. Я не знаю, видели ли читатели труды этой комиссии где-нибудь, - я их не видел, но думаю, что читатели были не счастливее меня.

Итак, мы в данном случае являемся хранителями колоссальных ценностей, которые нами используются плохо отчасти потому, что эти ценности, плохо разобранные, находятся в совершенном беспорядке. Только внешним образом мы их описываем, внешним образом подбираемся к ним, делая интересные открытия на каждом шагу, и пройдет порядочно времени, пока эта задача будет разрешена.

Из совокупности всего, что я сказал выше, ясно, что нам нужны архивные курсы, где бы преимущественно марксисты и коммунисты готовились технически овладеть нашими архивами. Мне остается только напомнить, что говорил Владимир Ильич относительно того, как наша культура стоит на плечах всего добытого в предшествующие времена, об истории техники, а архивное дело - техника. Как нелепо было бы придумывать пролетарский локомобиль, отвергая существующий на том основании, что он буржуазный, так нелепо отвергать архивную технику, раз та, которая есть, великолепно служит и может быть использована. Наши археологические институты создавали прежде целые архивные отделения, где учились по 3-5 лет. Это было просто некоторое раздувание своего собственного дела, - естественное, поскольку этим делом ведали теоретики-специалисты, которые смотрели на жизнь в лупу и которым казалась всякая мелочь важной. Мы же считаем, что годичного курса за глаза достаточно, чтобы подготовить архивиста вполне к

выполнению его задачи, а задача эта в теперешней обстановке является прежде всего задачей политической. Спасая старые архивные документы, мы сохраняем то оружие, при помощи которого рабочий класс вел, ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником. Не надо забывать ни на одну минуту, что на первый взгляд самый незначительный документ может в умелых руках оказаться тем камнем, каким был камень Давида, пущенный в лоб Голиафа, и не один Голиаф свалится от такого камня, как мы на опыте видели в наших публикациях.

Архивная работа является чисто марксистской работой, а для партийных товарищ - частью партийной работы. Неправильно смотреть на эту работу, как на гробокопательство, не имеющее никакой связи с жизнью. Наоборот, это имеет колоссальное значение для жизни, для нашей борьбы и революции.

Покровский М. Политическое значение архивов // Советские архивы. – № 3. – 1988. – С. 11–16.